А.Е. Воронов

Мир, лишенный очарования

Европа открыла в колумбийце Николасе Гомесе Давила (Nicolás Gómez Dávila) Нового Ницше. Одни считают реакционного мыслителя – гением, другие – невыносимо элитарным.

Илл. 1. Николас Гомес Давила (исп. Nicolás Gómez Dávila; 18 мая 1913, Кахика, Колумбия – 17 мая 1994, Богота) – колумбийский писатель, мыслитель-эссеист.

Короче едва ли скажешь: сторонники какого-нибудь дела, как правило, самый лучший аргумент против него. Или: «Идея свободного проявления личности кажется великолепной, до тех пор, пока не сталкиваешься с индивидуумом, чья личность проявилась свободно».

Мысли принадлежат человеку, который не особенно беспокоился об их распространении. Ему хватало прояснить суть вещей для самого себя.

Когда венский издатель Петер Вайс приехал в Боготу в 1992 г., чтобы познакомиться с колумбийским автором Николасом Гомесом Давила и договориться с ним о правах на его произведения, тот принял его скептически, несмотря на вежливость.

В библиотеке, в которой Давила провел почти всю жизнь, издателю удалось его переубедить. Он получил все права при условии соблюдения полноты. Обещание, до исполнения которого Давила не дожил. Он умер в 1994 году в возрасте 80 лет.

В 1990-е афоризмы Давилы появлялись у немногих консервативных мыслителей, сегодня его выпады находят все больше читателей в мире, утратившем свое очарование. Очевидно, каждый находит у этого автора то, что ищет. Малый круг, тех, кто уже давно интересовался Давилой, далеко не однороден: это драматурги Востока и Запада. Но признание пришло и из другого лагеря: «Лига монархистов», организованное объединение немецких монархистов, облагородила свой сайт в Интернете цитатами из Давилы. Его произведения хорошо разбираются на цитаты, потому что состоят исключительно из высказываний в две-четыре строки, которые сам автор называл «заметками на полях непостижимого текста» – труд всей жизни, растворенный в заметках на полях. Давила рассказывал, что полжизни шлифовал свои заметки, до тех пор, пока осталась суть: «Писатель, который не мучает свои произведения, мучает читателя».

Аподиктический стиль Давилы не подвергает современность конструктивной критике, а просто отвергает ее. Его афоризмы выражают эстетическое и религиозное отвращение перед превращением человека в потребителя. Метаморфоза, которая, как видел Давила, происходит как с западной демократией, так и с коммунизмом, который ведь так же стремился только к «осуществлению возможности безграничного потребления». «Полиция в бесклассовом обществе – единственная социальная структура».

Так это и идет вперед с яростными прыжками и убежденностью, что в эпоху демократии для элиты «злоупотребление служебным положением и подкуп есть последние пространства защиты свободы».

Эстета Давилу тошнит от того, что он видит. Современные метрополии он определяет как «болезнь» и «мусор». Культура так же не может предложить выход,

потому что «культура никогда не будет заполнять праздник трудящихся, потому что она труд праздных». Пока вообще существует культура. То, что Давила понимал под культурой, образование, античность, – уже давно, считал он, общественно предосудительно. «Вульгарные развлечения, – ругается он, – сегодня единственное, за что не нужно извиняться». Модное, прежде всего, «отвоевывает человеку право проблеваться публично».

Он сам старался держаться подальше от таких развлечений. Газеты не проникали в его дом, в нем не было телевизора, чтобы развлечься, Дон Колахо, как его звали друзья, по обычаю крупной буржуазии, по воскресеньям приглашал на обеды. Остальные дни недели он проводил в своей библиотеке, насчитывающей 30 000 томов. Иногда в жокей-клубе Боготы, в атмосфере галантной небрежности которого он охотно участвовал. До тех пор пока эта небрежность едва не изменила его судьбу: он захотел закурить сидя в седле, его лошадь испугалась и понесла, сбросила его, и при падении он получил сложный перелом и потом ходил с трудом.

Илл. 2.

Своей Родиной он считал свою библиотеку. «Мне никогда не было важно, где я живу, после того как я увидел, как уединённые поля моего детства покрылись промышленным и человеческим мусором». Сельская жизнь была для него ценна сама по себе, ее исчезновение он оплакивал, не принимая во внимание социальные причины.

Он был уверен, что должен был вдоволь насмотреться на Европу во время своего многомесячного путешествия с женой в 1949 году: открытую для будущего как «смесь из борделей, подземелий и цирков».

Нелюбовь к путешествиям была сокрыта в его детстве. Родители слишком рано оторвали его от родного дома. Когда он подошел к школьному возрасту, чтобы дать ему более лучшее образование, родители переехали в Париж. Там он посещал в школу, управляемую монахами-бенедиктинцами, пока у него не обнаружили болезнь легких. Два года он не вставал с постели. Когда в возрасте 23 лет он вернулся в родительский дом на окраине Боготы, он начал жизнь ученого. Вмешиваться он не хотел больше ни во что, и уж конечно, не в политику: он отказался в 1958 г., после конца военной диктатуры, от поста советника президента, в 1974-м он так же не захотел стать колумбийским послом в Лондоне.

Так как Давила хотел, чтобы его читали как диагностика своего времени, а не как праздного сына фабриканта, страдающего графоманией, он придумал себе мифическую маску: «реакционер» (как Эрнст Юнгер – Ernst Jünger, немецкий писатель и философ – «анархист»). Это не столько политическое определение, сколько синоним того, кто

наблюдает со стороны за положением дел – со склонностью быстро и безболезненно уклоняться от тлеющих поблизости полей сражений современного мира: «феминистки – комичны, антифеминисты – вульгарны».

Хотя его стиль отличается остротой и бескомпромиссностью, он часто шутит и подмечает с самоиронией: «Мои убеждения – это как та старуха, которая бормочет свои молитвы в уголку церкви». Есть и такие предложения, которые лучше не видеть претворенными в жизнь: «В неком достойном университете следовало запретить упоминать всуе о проблемах современности.

Из афоризмов Николаса Гомеса Давилы:

<u>о равенстве</u>
«Иерархия — свойство небес. В аду все равны».

<u>про пророков</u>
«Библейские пророки — не предсказатели будущею, а свидетели присутствия Бога в истории».

<u>про писателей</u>
«Писатель, который любит или ненавидит, менее убедителен, чем тот, кто любит и ненавидит».

<u>про исповедь</u>
«Тот, кто исповедуется публично, ищет не отпущения, а восхищения».

<u>про проституток</u>
«Приносить пользу обществу» есть претензия (или оправдание) проститутки».

<u>про идеи</u>
«Идиотские идеи бессмертны. Каждое поколение открывает их заново».

<u>о добродетели</u>
«Все эпохи являют нам одинаковые пороки, но не все — одинаковые добродетели».

<u>о предательстве</u>
«Предавший никогда не простит нам своей измены».

<u>о воображении</u>
«Воображение — единственное место во вселенной, где можно жить».

<u>о вере</u>
«Вера - это не знание объекта веры, а общение с ним».

<u>о боли</u>
«Люди гораздо чаще били бы молотком по пальцу, если бы боль ощущалась лишь год спустя».

<u>про Бога</u>
«Тот, кто верит в Бога, не должен говорить «Я верю в Бога», но «Бог верит в меня».

По материалам Интернета и журнала *Der Spiegel* (ФРГ). – 2006. – № 6.

Сведения об использованных иллюстрациях:

Илл. 1. - Режим доступа: URL: http://www.banrepcultural.org/blaavirtual/publicacionesbanrep/boletin/boleti1/bol40.htm (дата обращения: 16.09.2010).

Илл. 2. - Режим доступа: URL: http://nicolasgomezdavila.blogspot.com/ (дата обращения: 16.09.2010).

Источник: ***Культура в современном мире. — 2010. — № 4. — [Электронный ресурс].*** — Режим доступа: ***URL:*** http://infoculture.rsl.ru